
РОССИЙСКАЯ БАЛТИКА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ «ФАКТОРА МОРЯ» НА ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: БАЛТИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

А. Г. Дружинин

Южный федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 47

Поступила в редакцию 20.07.2023 г.
Принята к публикации 27.09.2023 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-1
© Дружинин А. Г., 2023

Статья посвящена актуализированной для современной России проблематике воздействия геополитических процессов на пространственную организацию общества с фокусом на значимую его сторону, связанную с использованием ресурсных, логистических, военно-стратегических и селитебных возможностей Мирового океана и его бережий. Методологически она базируется на сочетании современных общественно-географических подходов, ориентированных на учет «фактора моря» в пространственном развитии, и классических идеологем геополитики, предполагающих вычленение дихотомии «суша — море». Авторский акцент сделан при этом на обосновании принципиальной возможности для территорий (в том числе отдельных государств) не только обретения синтетических «континентально-морских» свойств, но и трансформации баланса последних под воздействием в том числе геополитических детерминант. Дан анализ геополитически обусловленных локализованных изменений в российской морской активности в постсоветский период (с приоритетным вниманием к ситуационным территориально-хозяйственным сдвигам 2014 и 2022 гг.), а также их проекции на положение российских территорий на Балтике. Показаны выраженные межбассейновые различия в талассоаттрактивности населения, а также представлена оценка экономического положения (устойчивости к внешним воздействиям, в первую очередь геополитически мотивированным) важнейших российских центров (опорных баз) морской активности. Обоснована геополитическая целесообразность для России дальнейшей реализации своего «морского вектора» с первостепенным вниманием к трансакторальной межмуниципальной и межрегиональной интеграции. Последняя должна дополняться развитием «приморско-внутриконтинентальных» структур российского пространства (в том числе узловых), а также участием страны (и ее ведущих корпораций) в конструировании (в русле перехода к «глобальному морскому полицентризму») архитектуры обновленных «больших» международных аква-территориальных общественно-географических структур. Показана сопряженность решения этих задач с приоритетным (в том числе «мореориентированным») укреплением российских

Для цитирования: Дружинин А. Г. Геополитическая обусловленность воздействия «фактора моря» на пространственное развитие постсоветской России: балтийская специфика // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4. С. 6–23. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-1

геостратегических позиций в Балтийском регионе (в контуре «Российской Балтики», концептуализируемой как порубежная трансакваториальная геополитическая, экономико-географическая и геокультурная биструктурная асимметричная целостность).

Ключевые слова:

пространственное развитие, приморские зоны, морская регионализация, морехозяйственная активность, геополитика, Россия, Российская Балтика

Введение и постановка проблемы

Современные геополитические и геоэкономические «тектонические» сдвиги (отождествляемые прежде всего со смещением экономической активности и мощи из Евро-Атлантического в Индо-Тихоокеанский регион [1], с национализацией и регионализацией политики и экономики [2] и, соответственно, с «новой версией глобализации» [3], с формированием «многополярного мира») в своих проявлениях и следствиях не только масштабны, всеохватны, но и многоплановы. Присущи они и такой все более приоритетной для человечества сфере, как активность в Мировом океане (и на его побережьях, в приморских зонах), ориентированной на освоение сырьевых, логистических, военно-стратегических и иных возможностей акваторий во взаимосвязи с соответствующими территориально-хозяйственными и селитебными структурами и процессами, в свою очередь напрямую обусловленными комплексом обстоятельств, определяемых [4] как «фактор моря».

В логике связанного с метаморфозами глобального мироустройства нарастающего (обретающего черты острого конфликта, рельефно проявившегося в формате СВО на Украине) соперничества разномасштабных «центров силы» морские (и океанические) пространства обретают свойства не только потенциальных (и фактических) театров военных действий, но и в целом становятся все более приоритетной ареной, ресурсом и целевым ориентиром геополитического противостояния. «Морская тематика» (включая ее осмысливаемый в том числе в нашей стране общественно-географический аспект [5—7 и др.]) в итоге актуализируется и неизбежным образом «геополитизируется». Все более значимыми и востребованными в этом контексте оказываются в целом пока немногочисленные усилия современного научного сообщества в области «морской геополитики» [8—14], равно как и столь же редкие обоснования геополитических факторов в развитии приморских регионов [15; 16]. Параллельно на исследовательскую авансцену вновь выходят классические геополитические подходы с присущим им акцентом на дуализм (и антагонизм) «суши» и «моря» [17], на «морскую мощь государства» [18], а также признание особой геостратегической ценности морских побережий [19; 20]. Сама же геополитика, представляющая собой фактически междисциплинарную и весьма «размытую» в предметно-содержательном отношении, но тем не менее четко ориентированную на пространственный анализ научно-исследовательскую сферу (наиболее удачным видится ее понимание как науки о «соперничестве сил над территорией» [21]), применительно к России неизбежным образом все более концентрируется на обстоятельствах ее внутрискановой динамики, на ситуациях в конкретных регионах, в целом на ключевых аспектах пространственного развития. Именно рассмотрение «морского вектора» пространственного развития постсоветской России (понимаемого как устойчивое «притяжение» населения и хозяйства к морским побережьям в условиях опережающей динамики морехозяйственных структур, а также все большая общая зависимость территориального социально-экономического развития от использования ресурсного потенциала Мирового океана, его геостратегических возможностей) во взаимосвязи с геополитическими обстоятельствами (не только текущими, конъюнктурными, но и фундаментальными, пролонгированными) составляет основное содержание и целевой ориентир данной

статьи. Приоритетное внимание при этом автор постарался уделить ситуационным (определяемым событиями 2014 и 2022 гг.) изменениям в локализации российской морехозяйственной активности, связанным с ними эффектам талассоаттрактивности населения, вопросам устойчивости экономики важнейших приморских городов страны (с особым фокусом на Российскую Балтику, оказавшуюся в эпицентре современной геополитической динамики).

«Морской вектор» пространственного развития постсоветской России и его основные геополитически обусловленные метаморфозы. Начиная с XVI столетия Россия (как самостоятельное геополитическое образование) стремилась инкорпорироваться в геополитические структуры «моря» (выстраивая коммуникацию в ведущих европейских морских державах, заимствуя и культивируя технологии мореплавания), во многом продолжая оставаться и, что столь же существенно, осмысливаться (предельно резонансно — с начала прошлого столетия, во многом благодаря Х. Маккиндеру) его антиподом и оппонентом. Советское семидесятилетие ознаменовано не только демонстрацией нашей страной выраженного черта «континентальности» (см., например [22]), но и попыткой (масштабной, во многом удачной) сформировать *собственный квазиглобалистский «морской» проект* (его идеологической манифестацией стала изданная в 1976 г. книга адмирала С. Г. Горшкова «Морская мощь государства» [23], постулировавшая «континентально-морской» статус страны), по многим ключевым аспектам (система морских портов на юго-западе и в республиках Прибалтики, крупнейшее в СССР Черноморское пароходство, рыболовные зоны в Мировом океане и др. [24]) дезавуированный нашей национальной геополитической катастрофой 1991 г.

Постсоветский рост «мореориентированности» России (ранее подробно освещенный в том числе в общественно-географическом аспекте [25; 26]) протекал в противоречивом сочетании экономически мотивируемого *геополитического конформизма* страны на глобальном уровне (признания лидерства экзогенного для нее доминирующего «центра силы», стремления интегрироваться в выстраиваемую им геоэкономическую конструкцию) с одновременно декларируемыми (с ФЦП «Мировой океан» 1998 г.¹) попытками укрепления собственной морской юрисдикции (наиболее успешными в Охотском море, где в марте 2014 г. анклав площадью 52 тыс. км² был признан континентальным шельфом Российской Федерации²), а также удержания (и воссоздания) сферы евразийского влияния (начиная с проекта Каспийского трубопроводного консорциума, ориентированного на российско-черноморский транзит углеводородов Казахстана).

Наращивание морской инфраструктуры и развитие смежных отраслей (с 1994 г. грузооборот морских портов России возрос восьмикратно, за 1997 — 2021 гг. создана экспортоориентированная подводная газотранспортная система, активизировалось портово-промышленное комплексобразование и др. [26]) сопровождалось *интернационализацией российской морехозяйственной деятельности при превалирующей ее вестернизации* (в позиционировании, рыночно-логистической и сервисной ориентированности, технико-технологической зависимости), что пролонгировало, усилило традиционный для пространственного развития страны «западный крен».

На субнациональном уровне «сдвиг к морю» (к «океанической экономике», если опираться на категорию, предложенную еще столетие назад П. Н. Савицким) проявлялся в вовлечении приморских территорий в активно формируемые (в том

¹ О Федеральной целевой программе «Мировой океан»: постановление Правительства Российской Федерации от 10.08.1998 г. № 919, 2002, *Портал правовой информации*, URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054870&rdk=3> (дата обращения: 11.07.2023).

² Комиссия ООН признала анклав Охотского моря частью российского континентально-го шельфа, 15.03.2014, ТАСС, URL: <https://tass.ru/ekonomika/1047596> (дата обращения: 11.07.2023).

числе с геополитическим ориентиром [27]) структуры трансграничной «морской» регионализации; в наибольшей мере процесс этот оказался выражен (что хорошо показано в [28]) именно в формате Балтийского региона. Все эти тенденции проецировалось на архитектуру российского пространства, способствуя *изменению его экономических и селитебных пропорций в пользу (усредненно, трендово) приморских территорий*, причем с превалярованием европоцентричного, в первую очередь северо-западного, вектора.

Характерно, что уже ко второй половине 1990-х гг. ключевые приморские регионы Западного порубежья России (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Краснодарский край и Калининградская область [29]) оказались стабильными донорами федерального бюджета. По мере наращивания морской (преимущественно энерго-сырьевой) активности данный перечень дополнили Сахалинская и Астраханская области [30]. Устойчиво прирастала в ВРП страны и в целом доля ведущих приморских («талассоцентрированных»¹) субъектов РФ: если оставить вне анализа интегрированный в 2014 г. в состав России Крым, то в 2000 г. соответствующий показатель, согласно Росстату, составлял 13,8 %, в 2008 г. — 14,9 %, в 2014 г. — 16,7 % и в 2020 г. — 18,1 %. Причем показательно, что подобный сдвиг, индицируемый также неизменно сохраняющейся год от года положительной динамикой грузооборота морских портов (составившей в первом полугодии 2023 г. 10,5 %²), имел место и по итогам глобального кризиса 2008 г. (ознаменовавшего начало радикальной смены тренда в мирохозяйственной системе и геополитике [32; 33]), и в «посткрымский» период с присущей ему практической деконструкцией сложившейся в предшествующую четверть века системы «Россия — Запад».

Порожденное возрастающей активностью ЕС и НАТО стремление Российской Федерации удержать и расширить контур собственной безопасности в Причерноморье первоначально привело (с 2014 г.) к фактической геоэкономической блокаде Западом Крымского полуострова (что непосредственно сказалось на морском хозяйстве Крыма, лимитировав, в частности, грузоперевалку в портах [34]), а с 2022 г. — к последовательной череде шагов глобалистских сил по фактической «отмене» *ключевых компонент российского морехозяйственного потенциала* (включая его апофеоз — диверсию на нитках «Северного потока» 26 сентября 2022 г.). Подобное кардинальное видоизменение геополитических условий морской (прежде всего хозяйственной) активности страны является важнейшим внешним вызовом (инициировавшим, как видится, существенное обновление летом 2022 г. «Морской доктрины Российской Федерации»³) но, полагаем, отнюдь *не означает необходимости и тем более фатальности ее сколь-либо существенной «континентализации»*.

Разумеется, уже сейчас фиксируются разномасштабные проблемные ситуации, начиная от спада в импорто- и морезависимой автосборке Северо-Запада (симптоматично, что объем производства в обрабатывающих отраслях Калининградской области за 2022 г. составил 80,5 % к уровню предшествующего года) и краткосрочного снижения показателей деятельности Большого порта Санкт-Петербург (в 2022 г. на

¹ К их числу отнесены Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область, Краснодарский край, Ростовская область, Астраханская область, Республика Дагестан, Архангельская область, Ненецкий АО, Мурманская область, Приморский край, Сахалинская область, Камчатский край, Магаданская область, Чукотский АО [31].

² Грузооборот морских портов РФ в I полугодии 2023 года увеличился на 10,5 %, 10.07.2023, ТАСС, URL: <https://tass.ru/ekonomika/18238249> (дата обращения: 12.07.2023).

³ Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512, 2022, *Официальный интернет портал правовой информации*, URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207310001> (дата обращения: 17.07.2023).

37,5%¹) до уже вполне вероятной (в контексте все более усложненных отношений России с Турцией) проблемности всего морского трубопроводного экспорта российского природного газа. Приросло (в связи с военной эскалацией на Украине) и общее число приморских субъектов РФ, наряду с Республикой Крым и г. Севастополем оказавшихся в особых социально-экономических, транспортно-логистических и военно-политических условиях (Балтийский эксклав, территории Новороссии). Неизбежно и некоторое смещение хозяйственной активности в пользу внутренних российских территорий (где в своей массе локализованы важнейшие предприятия ОПК [35]). Тем не менее нынешняя ситуация, когда само «море» (как геоэкономический феномен) начинает являть «незападные», многополюсные черты, скорее стимулирует российскую морехозяйственную активность, в том числе и в ее обособленном юрисдикцией Российской Федерации обширнейшем контуре (акватории экономической зоны страны и ее континентального шельфа), который уместно концептуализировать как особую аква-территориальную структуру — «Морская Россия». Основой последней выступает приморское расселение, находящиеся на побережьях города с присущим многим из них трендовым ростом демографического потенциала.

Талассоаттрактивность населения: фактор геополитики

Притяжение к морским побережьям (талассоаттрактивность) населения (и населенных мест) относится к базовым свойствам аква-территориальной организации общества, проявляющимся и в постсоветской России (что акцентировано ранее [7; 16; 36; 37]). Характерно, что с 1989 г. (если ориентироваться на данные переписей населения) число жителей в российских городах (включая крымские), непосредственно выходящих к морским побережьям (либо устьям крупных судоходных рек; всего к этой категории нами отнесены 74 поселения), выросло на 10,5%, в то время как общая численность горожан в стране осталась практически неизменной (99,9% от показателя переписи 1989 г.). Впрочем, приморское городское население Российской Федерации за три межпереписных периода ощутимо увеличилось и без учета Крыма (табл. 1).

Таблица 1

Изменение численности населения приморских городов России в 1989–2021 гг.

Годы	1989–2002	2002–2010	2010–2021	1989–2021
	<i>Тыс. человек</i>			
<i>Всего</i>	- 233	348	1234	1349
Без учета Крыма	- 173	354	1140	1321
	<i>%</i>			
<i>Всего</i>	98,0	102,7	109,5	110,5
Без учета Крыма	98,5	103,0	109,4	111,0

* Составлено автором по данным Всесоюзной и Всероссийских переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2021 гг.².

Отражая возрастающую роль «фактора моря» для российского общества, его экономической сферы, постсоветская талассоаттрактивность демонстрировала и свою пространственную (бассейновую), в том числе геополитически обусловлен-

¹ Грузооборот морских портов России за 12 месяцев 2022 г., 2023, Ассоциация морских портов России, URL: <https://www.morport.com/rus/news/gruzooborot-morskih-portov-rossii-za-12-mesyacev-2022-g> (дата обращения: 12.07.2023).

² Демоскоп Weekly, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 15.07.2023); Итоги ВПН-2020. Том 1. Численность и размещение населения, 2022, Росстат, https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 15.07.2023).

ную, специфику, проявившуюся прежде всего в асинхронном (по хронологии) изменении баланса численности населения приморских городов в пользу Балтики (90 % прироста здесь обеспечил Санкт-Петербург, но и в Калининградском эксклаве численность населения приморских городов за 1989—2021 гг. увеличилась на 20 %), Черноморско-Азовского региона, а также Каспия (в последнем случае — исключительно за счет Дагестана). В Тихоокеанской России после 17 %-го сокращения в 1990-е гг. людность приморских городов стабилизировалась. Неизменным оставался лишь тренд депопуляции в бассейне Арктики (табл. 2).

Таблица 2

**Численность и удельный вес населения приморских городов России
(по морским бассейнам) в 1989—2021 гг., тыс. чел. / %**

Регион	1989	2002	2010	2021
Балтика	5306/41,2	5336/41,1	5524/42,5	6333/44,4
Черноморско-Азовский *	3227/25,0	3337/26,4	3361/25,9	3829/26,8
Арктика	1510/11,7	1218/9,6	1162/8,9	1003/7,0
Каспий	993/7,7	1185/9,4	1379/10,6	1501/10,5
Тихоокеанская Россия	1854/14,4	1583/13,5	1567/12,1	1575/11,3
По всем морским побережьям	12 890/100,0	12 659/100,0	12 993/100,0	14 261/100,0

Составлено автором по данным Всесоюзной и Всероссийских переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2021 гг.¹.

Примечание: * За все годы суммарный показатель по бассейну включал «крымскую составляющую».

Дополняя и корректируя превалирующие центростремительные («столицеориентированные») миграционные «перетоки» (их масштаб за 2010—2021 гг. в Санкт-Петербург эквивалентен 70 % от общего прироста численности «приморских» горожан), геополитика первоначально способствовала, в частности, «балтийскому вектору» опережающей демографической динамики — инерционно-му, рельефно проявившемуся в период, когда в отношениях России с ключевыми странами ЕС уже имел место возрастающий разлад, но одновременно и сполна «работала» (дополняя объективно сложившиеся центр-периферийные градиенты) укорененная в части российского социума «европоцентричная» ментальность. Последующие геополитические обстоятельства (сочетающиеся с экономикой и природной зональностью) отчасти сказались на проявившемся уже в 2010-е гг. «стягивании» населения российского Дальнего Востока во Владивостокскую агломерацию; особо показателен здесь рост населения города Большой Камень (на 11 % за 2010—2021 гг.), располагающего стратегическим для российской морехозяйственной активности судостроительным предприятием «Звезда».

Следствием соперничества «центров силы» оказалось и своего рода *геополитическое приращение* численности самих приморских городов в российской юрисдикции. «Крымский этап» данного процесса пополнил приморскую сетевую структуру наших урбанистических центров на 910 тыс. человек (благодаря миграционной привлекательности с 2014 г. население выходящих к морскому побережью городов Крыма возросло еще на 12 %). Современный этап (обусловленный СВО на Украине) сопряжен с включением в политико-географический контур российского пространства еще девяти расположенных на побережье городских населенных пунктов. Российское морское порубежье становится в итоге демографически «весо-

¹ Демоскоп Weekly, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 15.07.2023) ; Итоги ВПН-2020. Том 1. Численность и размещение населения, 2022, *Росстат*, https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 15.07.2023).

мее»; одновременно прирастают и соответствующие геополитические риски, повышая ценность и значимость узлов и драйверов морской активности — ее опорных баз, их способность противостоять (прежде всего в экономической сфере) внешним воздействиям.

Важнейшие опорные базы морской активности России в условиях геополитической турбулентности: потенциал экономической устойчивости в структуре российского пространства

Освоение Мирового океана всегда начинается (как подчеркивал еще Ю.Г. Саушкин) «со стороны его побережий» [38, с. 214], причем, добавим, интенсивное и диверсифицированное концентрируется на конкретных, достаточно компактных участках. Размышляя об обстоятельствах «могущественного территориального владения» применительно к России (в современной терминологии — о геополитических детерминантах ее развития), В. П. Семёнов-Тян-Шанский [19] еще столетие назад фокусировал внимание на наличии в российском пространстве особо значимых структур — «колониционных баз». Аппликация данного подхода к проблематике Мирового океана, к реалиям современной «мореориентированной» России позволяет идентифицировать присущие ей особые «опорные базы морской активности» [39]. Ситуация возросшего противостояния «центров силы» (в том числе в акваториях) существенно повышает не только их территориально-хозяйственную, но и геостратегическую значимость, выводя на авансцену (в русле активно обсуждаемой в регионалистике проблематики устойчивости территориальных систем [40; 41]) вопрос способности «опорных баз» противостоять внешним (подчас массированным, шоковым) воздействиям.

Проведенный в логике «метода ключей» анализ (его итоги представлены в таблице 3) свидетельствует о том, что приморские муниципальные образования (относящиеся к тем или иным «опорным базам») по-разному экономически реагировали и на турбулентность 2014—2015 гг., и на резко возросшие в период пандемии COVID-19 межстрановые барьеры, а также на ситуационную деградацию профильных для российского экспорта глобальных рынков.

Болезненную реакцию на ухудшение глобальной конъюнктуры демонстрировали зависимые от межрегиональных финансовых трансфертов прикаспийские города Дагестана; в периоды спада «проседали» Владивосток и Новороссийск; бóльшую устойчивость проявил Калининград. Общая же экономическая пропорция (если оценивать ее по налогооблагаемым денежным доходам физических лиц и субъектов предпринимательства) в период с 2013 г. (официальной статистики за 2022 г., привнесший, вне сомнения, существенное изменение геополитических условий территориально-хозяйственной динамики в Российской Федерации, пока, к сожалению, нет) закономерно сместилась в пользу Владивостока с Большим Камнем («восточный вектор», судостроение), Северодвинска с Архангельском (Север и оборонка), но в еще большей мере — причерноморско-рекреационной Анапы. На этом фоне за исследуемый период доля большей части рассмотренных приморских центров в суммарном показателе в целом по России сократилась, что иллюстрирует как общий «дрейф» современной экономики в пользу внутриконтинентальных центров (ситуация СВО активизирует этот процесс), так и зависимость дальнейшей талассоаттрактивности в хозяйственной сфере от реализации значимых «мореориентированных» производственных (в том числе судостроительных), рекреационных и селитебных проектов. Текущие геополитические вызовы (риски и ограничения) особым образом актуализируют поиск подходов и мер по повышению и эффективности использования «фактора моря», в том числе и с учетом собственно пространственных структур и процессов.

Таблица 3

Динамика налогооблагаемых денежных доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей по некоторым ключевым муниципальным образованиям опорным баз морской активности России, млн руб.

Муниципальное образование	2013	2014	2015	2015/2013	2019	2020	2021	2019/2019	2021/2013	В промилле от общего показателя по России	
										2013	2021
<i>Российская Балтика</i>											
Калининград	131 191	152 807	161 189	1,23	154 368	185 951	228 537	1,48	1,74	6,73	5,92
Балтийск	5060	5593	5875	1,11	4611	5097	6600	1,43	1,30	0,26	0,17
<i>Тихоокеанская Россия</i>											
Владивосток	152 347	153 878	160 853	1,06	232 875	276 539	291 431	1,25	1,91	7,82	7,56
Большой Камень	8424	6381	7302	0,87	12 579	18 171	19 634	1,56	2,33	0,43	0,51
<i>Российский Север (Арктика)</i>											
Архангельск	77 709	90 338	98 705	1,27	112 077	109 882	142 131	1,27	1,82	3,99	3,68
Северодвинск	44 791	51 157	55 767	1,25	74 823	76 710	91 570	1,22	2,04	2,30	2,37
<i>Российский Каспий</i>											
Махачкала	116 336	69 687	70 448	0,61	153 336	146 150	124 168	0,81	1,06	5,97	3,22
Каспийск	8117	5558	8509	1,05	15 342	15 788	13 340	0,87	1,64	0,42	0,35
<i>Российское Причерноморье</i>											
Новороссийск	62 280	61 852	69 913	1,12	83 030	101 078	106 914	1,29	1,72	3,20	2,77
Анапа	18 851	21 849	25 896	1,37	38 516	49 230	55 179	1,43	2,93	0,96	1,43

* Составлено автором по данным Росстата¹.

¹ Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований. Динамические ряды, 2023, *Rosstat*, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_munst.htm (дата обращения: 04.08.2023).

Наиболее необходимым в их числе видится:

1) дальнейшее приращение числа (и «рассредоточение») реальных, эффективно функционирующих российских опорных баз морской активности, причем не только общедоказательного масштаба (наподобие «Бухты Севера» на Таймыре, чьи перспективы обусловлены добычей и транспортировкой нефти в рамках флагманского проекта компании «Роснефть» — «Восток Ойл»¹), но и регионального значения (например, в процессе восстановления портовой инфраструктуры Мариуполя и Бердянска);

2) последовательная диверсификация структуры экономики опорных баз (дополнения их ныне преобладающей логистической функции производственными и сервисными специализациями, в том числе в связи с «импортозамещением») и, соответственно, активизация процессов индустриально-портового комплексообразования (концептуально хорошо осмысленного еще в 1960-80-е гг. [42]) с его вероятностной трансформацией в индустриально-портовое научно-образовательное (флагманом данного процесса способен выступить Санкт-Петербург, хотя существует потенциал и у Калининграда, Севастополя, Владивостока, отчасти Архангельска);

3) взаимоподдерживающее (скоординированное) развитие опорных баз в масштабе отдельных морских бассейнов (что особым образом геополитически мотивировано для Российского Причерноморья и Балтики) при одновременном выстраивании единой сетевой архитектуры центров морской активности (с элементами специализации и иерархии) в контуре всего морского порубежья России, причем с возможно большей степенью ее автономии и, соответственно, устойчивости к нарастающим экзогенным геостратегическим рискам (включая и пока лишь гипотетическую вероятность блокады внешними силами тех или иных сопредельных с российскими коммуникационно значимых акваторий);

4) рост экономического потенциала (трудового, рыночного, производственного) российских морских опорных баз за счет расширения сферы их влияния на прилегающие территории в рамках агломерирования и межмуниципальной (а также межрегиональной) интеграции (к примеру, после модернизации прилегающих к Ростову-на-Дону федеральных автомагистралей демографическая емкость расширившейся агломерации возросла более чем на треть, то есть до 2,5 млн человек; перспектива ее сопряжения с Донецком и Мариуполем позволит в перспективе формировать единое селитебно-хозяйственное пространство с не менее чем 4,5 млн жителей);

5) сфокусированное внимание к выстраиванию (в том числе на базе обширнейших хинтерландов ведущих морских портов страны [31]) «континентально-морских (приморских)» структур, интегрированных, межрегиональных, охватывающих обширнейшие территории Российской Федерации в рамках южнороссийского и северо-западного ее «междуморий», а также Западной и Восточной Сибири и, кроме того, в более расширенном масштабе — по профилям «Беломорье — Причерноморье», а также «Балтика — Причерноморье» и «Балтика — Приморье».

В логике формирования «больших российских континентально-морских пространств» (ориентированных также на трансграничные, в том числе трансакваториальные взаимодействия преимущественно с дружественными государствами Евразии) в новых геополитических реалиях должна осуществляться и реконструкция (в том числе концептуальная, ментальная) бассейновых трансграничных структур нашего морского порубежья, в первую очередь западного, включая Балтику.

¹ Информация о предприятии, 2023, *Роснефть*, URL: https://vostokoil.rosneft.ru/about/Glance/OperationalStructure/Dobicha_i_razrabotka/Vostochnaja_Sibir/vostokoil/ (дата обращения: 16.07.2023).

Морская регионализация в ареале геоэкономического взаимодействия и геополитического противостояния: феномен Российской Балтики

Формирование Балтийского региона (как морской трансграничной целостности) имело место практически весь постсоветский период и напрямую связано с процессом евроинтеграции [43—45], дополняемой (в военно-политической сфере) расширением структур НАТО. Российские приморские территории участвовали в «балтийской интеграции» в качестве «своего чужого», периферии, пространства глобалистской экспансии, а также наиболее значимого коммуникационного коридора в системе «Россия — Запад».

Современное геополитическое переформатирование Балтики (начавшееся не 24 февраля 2022 г., а пятью — шестью годами ранее, что иллюстрируют выводы не только российских [46; 47], но и зарубежных аналитиков [48]) сопряжено с нарастанием в ее аква-территориальном контуре выраженной российско-европейской барьерности, придавшей макрорегиону биструктурный облик, означающий для приморских территорий не только дополнительные возможности (например, в области насыщения местного продовольственного рынка российскими товарами [49]), но и риски (что уже также подмечается [50]).

Новые геополитические реалии (когда, как справедливо подмечено в [51], декларируемое для Балтики «*Zeitenwende*» осталось лишь былой, сполна нереализованной идеологемой, а «пространство сотрудничества» стало стремительно милитаризоваться) требуют пересмотра сложившегося за предшествующие три десятилетия преобладающего понимания позиционных характеристик расположенных на его побережье российских территорий с акцентом на их автономность и геополитическую специфичность. Соответствующая реконцептуализация в единой для всех наших морских порубежий логике, когда на первый план выводится не трансграничность, а именно приуроченность к России, к ее юрисдикции (уже воплощенная в идее «Тихоокеанской России» [52], а также «Российского Причерноморья» [53]), должна, полагаем, воплотиться в полноформатный геоконцепт «*Российской Балтики*», постепенно утверждающийся (например, в [54—56]) в дискурсе.

Автору импонирует нерасширительное определение этого таксона, применимое исключительно к Санкт-Петербургу и еще двум собственно прибалтийским субъектам РФ, а в их составе (уровнем ниже) — к 15 непосредственно выходящим к побережью муниципальным образованиям. Данная совокупность территорий вмещает 6,8 млн населения (то есть, согласно последней переписи, 4,6 % демографического потенциала страны), практически на 90 % сконцентрированного на востоке Финского залива. Еще весомее различия между балтийским эксклавом (на который приходится лишь 8 %) и остальными прибалтийскими российскими территориями по экономическому потенциалу (оцениваемому как налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей). Российская Балтика в итоге *двуцентрична*, в демографо-экономическом отношении *асимметрична* и (что весьма существенно в связи с «фактором моря») *трансакваториальна*, располагает собственным *морским опорным каркасом* в виде существенно нарастивших свои пропускные возможности в постсоветский период морских портов, связанных коммуникационными (с февраля 2022 г. и авиационными) возможностями балтийской акватории в статусе (согласно Конвенции ООН¹) «открытого моря». Частично выключаясь из бывшего пространства «балтийской интеграции» (но при этом сохраняя возможности и мотивацию для ее активизации в средней долгосрочной перспекти-

¹ Конвенция ООН по морскому праву, 1994, ООН, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea.pdf (дата обращения: 18.07.2023).

вах), территории Российской Балтики (и в особой мере Калининградский эксклав), наращивая собственную сопряженность своего социально-экономического развития, должны *в еще большей мере «поворачивается» к морю.*

Этот необходимый поворот (опирающийся на «историческую колею» развития, на «накопленную» инфраструктуру и человеческий капитал) усложнен не только текущей геополитической конъюнктурой (негативно сказывающейся в том числе на реализации таких флагманских «приморских» проектов, как комплекс по переработке этансодержащего газа и производству сжиженного природного газа, сооружаемый в районе Усть-Луги ПАО «Газпром»¹ либо круизный терминал в Пионерском²), но и общим долгосрочным, соответствующим геоэкономическому тренду перераспределением морехозяйственной активности Российской Федерации в пользу «незападных» ее морских побережий. Так, уже с середины 2000-х гг. постепенно снижается портово-логистическая значимость для страны ее балтийских портов (объем грузооборота за 2005—2022 гг. по стране вырос в 2,06 раза, по Российской Балтике — в 1,37, в том числе непосредственно за 2013—2022 гг. — в 1,42 и 1,14 раз соответственно); аналогична (хотя и не столь рельефно выражена) ситуация и в рыбопереработке. Высока вероятность (и уже проявилась тенденция) сокращения «миграционной подпитки» экономики (в том числе строительного комплекса) приморских городских агломераций на Российской Балтике. Последняя в данном контексте способна поддерживать, нарастить морской (приморский) функционал: 1) перенастраиваясь на коммуникацию и рынки «дружественных стран»; 2) усиливая свою внутреннюю трансакториальную связанность (в том числе по линии «Балтийск — Усть-Луга»); 3) продолжая повышать туристско-рекреационную привлекательность, причем в приоритетном порядке — Калининградской области (показательно, что численность лиц, воспользовавшихся услугами коллективных средств размещения в этом регионе за 2014—2022 гг. выросла в 4,7 раза, в то время как в РФ — в 2,7³); 4) наращивая специализацию в качестве научно-технологической и культурно-образовательной «центральной зоны» всей «Морской России».

Заключение

Универсальное и многоаспектное воздействие «фактора моря» на человечество, его хозяйственную, селитебную и военно-стратегическую сферы в последние годы оказывается все более опосредуемым обстоятельствами геополитики, в том числе резко возросшим противостоянием между Российской Федерацией и коллективным Западом, разворачивающимся в условиях кардинального переформатирования сложившегося миропорядка. Геополитическая детерминанта условий, проявлений и эффектов «сдвига к морю» (присущего и современной России, ставшего одним из важнейших векторов ее пространственного развития) наиболее выражена при этом на порубежных пространствах в контуре подобных Балтике трансграничных морских регионов.

Итогом геополитических (и сопряженных с ними геоэкономических) изменений становится не только переформатирование собственно российской морехозяйственной активности (с приоритетом в пользу ее относительной автономности, большей

¹ Выход Linde из проекта «Балтийский СПГ» в Усть-Луге и проблемы ООО «РусХимАльянс», 07.07.2023, *ТЕК-ALL*, URL: <https://www.tek-all.ru/news/id10005-vihod-linde-iz-proekta-baltiyskiy-spg-v-ust-luge-i-problemi-ooo-rushimalyans/> (дата обращения: 19.07.2023).

² Портовый долгострой. Почему терминал в Пионерском не могут сдать два года, 05.11.2013, РБК, URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/05/11/2021/617fcf9d9a7947682664af34> (дата обращения: 19.07.2023).

³ Коллективные средства размещения, 2023, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 18.07.2023).

диверсифицированности, включая пространственную, эффективности и комплексности), но и соответствующая трансформация всей аква-территориальной организации страны (с сочетанием значимых для нее трендов «мореориентированности» и «континентализации», выстраиванием «больших интегрированных пространств» в формате разномасштабных российских «междуморий»), иницирующая в том числе идентификацию и концептуализацию такой ресурсно-хозяйственной и геополитической мегаструктуры, как «Морская Россия», объединяющей в своем составе «Российскую Балтику», «Российское Причерноморье», «Прикаспийскую Россию», «Российскую Арктику» и, наконец, «Тихоокеанскую Россию».

В современном контексте, когда международные процессы все в более возрастающей мере обретают выраженное акваториальное измерение, а социально-экономическое положение приморских территорий, в свою очередь, становится одной из компонент геополитической безопасности — важнейший для России, четко проявившийся на постсоветском этапе ее истории тренд «мореориентированности» должен сохраняться, поддерживаться, продолжая оставаться значимым для научного анализа, в том числе и общественно-географического.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-28-00022 «Геоэкономические и геополитические детерминанты трансформации центрo-периферийных структур в трансграничных “морских” регионах: концептуализация, мониторинг и моделирование в интересах государственного управления (на материалах Балтики, Каспия и Причерноморья)» в Южном федеральном университете.

Список литературы

1. Тренин, Д. В. 2022, Кто мы, где мы, за что мы — и почему, *Россия в глобальной политике*, т. 20, № 3, с. 32—42, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-3-32-42>
2. Караганов, С. А. 2022, От не-Запада к Мировому большинству, *Россия в глобальной политике*, т. 20, № 5, с. 6—18, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18>
3. Евстафьев, Д. Г. 2023, Шагнуть за порог глобального мира, *Россия в глобальной политике*, т. 21, № 2, с. 8—21, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-8-21>
4. Дружинин, А. Г., Кузнецова, О. В. 2022, Учет «фактора моря» в федеральном регулировании пространственного развития России: постсоветский опыт и современные приоритеты, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 4—19, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-1>
5. Сальников, С. С. 1984, Экономическая география океана — новое перспективное направление экономической и социальной географии, *Советская география*, Л. : Наука, с. 231—242.
6. Бакланов, П. Я. 2018, Морское пространственное планирование: теоретические аспекты, *Балтийский регион*, т. 10, № 2, с. 76—85, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-5>
7. Федоров, Г. М., Кузнецова, Т. Ю., Разумовский, В. М. 2017, Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области, *Известия Русского географического общества*, т. 149, № 3, с. 15—31. EDN: YSLLEV
8. Wirtz, J. J. 2017, *Sea power: the history and geopolitics of the world's oceans*.
9. Bennett, M. M., Stephenson, S. R., Yang, K., Bravo, M. T., Jonghe, B. 2020, The opening of the Transpolar Sea Route: Logistical, geopolitical, environmental, and socioeconomic impacts, *Marine Policy*, vol. 121, 104178, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2020.104178>
10. Bouchard, C., Crumplin, W. 2010, Neglected no longer: the Indian Ocean at the forefront of world geopolitics and global geostrategy, *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 6, № 1, p. 26—51, <https://doi.org/10.1080/19480881.2010.489668>
11. Morris, M. A. 1986, Maritime geopolitics in Latin America, *Political Geography Quarterly*, vol. 5, № 1, p. 43—55, [https://doi.org/10.1016/0260-9827\(86\)90010-8](https://doi.org/10.1016/0260-9827(86)90010-8)
12. Germond, B. 2015, The geopolitical dimension of maritime security, *Marine Policy*, vol. 54, p. 137—142, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2014.12.013>

13. Blanchard, J. M. F., Flint, C. 2017, The geopolitics of China's maritime silk road initiative, *Geopolitics*, vol. 22, № 2, p. 223—245, <https://doi.org/10.1080/14650045.2017.1291503>
14. Østhagen, A. 2022, *Ocean Geopolitics: Marine Resources, Maritime Boundary Disputes and the Law of the Sea*, Edward Elgar Publishing, 168 p.
15. de Vivero, J. L. S., Mateos, J. C. R., del Corral, D. F. 2009, Geopolitical factors of maritime policies and marine spatial planning: State, regions, and geographical planning scope, *Marine Policy*, vol. 33, № 4, p. 624—634, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2008.12.010>
16. Бакланов, П. Я. 2022, Устойчивое развитие приморских регионов: географические и геополитические факторы и ограничения, *Балтийский регион*, т. 14, № 1, с. 4—16, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-1>
17. Mackinder, H. J. 1904, The geographical pivot of history, *The Geographical Journal*, vol. 23, № 4, p. 421—437.
18. Mahan, A. T. 1890, *The Influence of Sea Power Upon History, 1660—1783*. Little, Brown & Co. Boston, Repr. of 5th ed., Dover Publications, N. Y.
19. Семенов-Тянь-Шанский, В. П. 1915, О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии, *Известия Русского Императорского географического общества*, т. LI, вып. VIII, с. 425—457.
20. Spykman, N. 1944, *The Geography of the Peace*, N. Y. : Harcourt, Brace and Company, 323 p.
21. Lacoste, Y. 2012, La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique, *Herodote*, № 146—147, p. 3—21, <https://doi.org/10.3917/her.146.0014>
22. Безруков, Л. А. 2008, *Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии*, Новосибирск : Академическое изд-во «Гео», 369 с. EDN: QTARDT
23. Горшков, С. Г. 1976, *Морская мощь государства*, М. : Воениздат. 416 с.
24. Алхименко, А. П. 2005, Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы, *Морехозяйственный комплекс России*, СПб., с. 5—23.
25. Radvanyi, J. 2017, When Vladimir Putin becomes geographer [Quand Vladimir Poutine se fait géographe...], *Hérodote*, № 166—167, p. 113—132, <https://doi.org/10.3917/her.166.0113>
26. Druzhinin, A. G., Lachininskii, S. S. 2021, Russia in the World Ocean: Interests and Lines of Presence, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 3, p. 336—348, <https://doi.org/10.1134/S2079970521030035>
27. Асмус, Р. 2007, Евро-атлантическое Причерноморье, *Россия в глобальной политике*, т. 5, № 3, с. 66—77. EDN: TZIZYD
28. Клемешев, А. П., Корнеевец, В. С., Пальмовский, Т., Студжиницки, Т., Федоров, Г. М. 2017, Подходы к определению понятия «Балтийский регион», *Балтийский регион*, т. 9, № 4, с. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1>
29. Лавров, А. М. (ред.). 1999, *Федеральный бюджет и регионы: Опыт анализа финансовых потоков*, М. : Диалог-МГУ, 194 с.
30. Климанов, В. В., Еремина, Д. А., Михайлова, А. А. 2018, Анализ баланса финансовых потоков между центром и регионами в РФ, *ЭКО*, № 9, с. 51—62. EDN: UZGDHX
31. Дружинин, А. Г. (ред.). 2017, Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экистические эффекты, Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 421 с. EDN: ZEFLGN
32. Zakaria, F. 2008, *Post-American world*. London : Allen Lane.
33. Шупер, В. А. 2008, Россия в глобализованном мире: альтернативы развития, *Вопросы философии*, № 12, с. 3—21. EDN: JUGPUT
34. Вольхин, Д. А. 2020, Морское хозяйство Крыма в интеграционно-дезинтеграционных процессах в Причерноморье, *Геополитика и экогеодинамика регионов*, т. 6, № 4, с. 5—21. EDN: UXLLZT
35. Николаев, А. В. 2004, География государственного сектора промышленности России, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 42—52. EDN: OVYJXX
36. Покшишевский, В. В. 1975, Теоретические аспекты притяжения расселения к морским побережьям и опыт количественной оценки этого притяжения, *Известия Всесоюзного географического общества*, № 1, с. 29—35.

37. Дружинин, А. Г. 2017, Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация, *Балтийский регион*, т. 9, № 2, с. 28—43, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-2-2>
38. Саушкин, Ю. Г. 2001, *Избранные труды*, Смоленск : Универсум, 416 с.
39. Дружинин, А. Г. 2020, «Опорные базы» морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности, *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 89—104, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>
40. Жихаревич, Б. С., Климанов, В. В., Марача, В. Г. 2020, Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление, *Региональные исследования*, № 3, с. 4—15. EDN: PJCFKB
41. Кузнецова, О. В. 2022, Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды, *Регион: экономика и социология*, № 2 (114), с. 33—57, <https://doi.org/10.15372/REG20220202>
42. Дергачев, В. А. 1985, Перспективы формирования портово-промышленных комплексов СССР, *Известия Всесоюзного географического общества*, № 6, с. 497—503.
43. Melnikas, B. 2008, Integration processes in the Baltic region: the new form of regional transformations in the European Union, *Engineering economics*, vol. 5, № 60, p. 54—64.
44. Pacuk, M., Palmowski, T., Tarkowski, M. 2018, The emergence of Baltic Europe: An overview of Polish research on regional integration, *Quaestiones Geographicae*, vol. 37, № 2, p. 47—60, <https://doi.org/10.2478/quageo-2018-0013>
45. Fedorov, G. 2010, The Kaliningrad dilemma: a “development corridor” or a “double periphery”? The geopolitical factor of the development of the Russian exclave on the Baltic Sea, *Baltic region*, № 2, p. 4—12, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-2-1>
46. Худoley, К. К. 2016, Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки, *Балтийский регион*, т. 8, № 1, с. 7—25, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-1>
47. Зверев, Ю. М., Межевич, Н. М. 2022, Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности, *Балтийский регион*, т. 14, № 3, с. 64—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>
48. Ekengren, M. 2018, A return to geopolitics? The future of the security community in the Baltic Sea Region, *Global Affairs*, vol. 4, № 4—5, p. 503—519, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1535250>
49. Морачевская, К. А., Лялина, А. В. 2023, Влияние продовольственного эмбарго на потребительские предпочтения и трансграничные практики населения Калининградской области, *Балтийский регион*, т. 15, № 2, с. 62—81, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-4>
50. Лачининский, С. С., Сяолинь, Л. 2021, Геополитические риски и перспективы отношений России и Запада на Балтике, *Псковский регионологический журнал*, т. 17, № 4, с. 3—15, <https://doi.org/10.37490/S221979310017062-1>
51. Swistek, G., Paul, M. 2023, *Geopolitics in the Baltic Sea region: The «Zeitenwende» in the context of critical maritime infrastructure, escalation threats and the German willingness to lead*, № 9, SWP Comment.
52. Бакланов, П. Я. 2015, Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 8—19, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2015-5-8-19>
53. Дружинин, А. Г. 2020, Российское Причерноморье в современной Евразии: геополитические и морехозяйственные факторы региональной динамики, *Научная мысль Кавказа*, № 3 (103), с. 5—15. EDN: FRHEUL
54. Разумовский, В. М., Федоров, Г. М., Бездудная, А. Г. 2019, Российская Балтика в евразийском пространстве, *Проблемы современной экономики*, № 3 (71), с. 38—40. EDN: EXRJHC
55. Лачининский, С. С. 2022, Геоэкономические риски регионов Российской Балтики в условиях обостряющейся геополитической обстановки, *Балтийский регион*, т. 14, № 2, с. 23—37, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-2>
56. Федоров, Г. М. 2022, Экономика регионов России на Балтике: уровень и динамика развития, структура, внешнеторговые партнерства, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 20—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>

Об авторе

Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия; главный научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE GEOPOLITICAL EFFECT OF THE MARITIME FACTOR ON THE SPATIAL DEVELOPMENT OF POST-SOVIET RUSSIA: THE BALTIC CASE

A. G. Druzhinin

Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia
Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences,
29 Staromonetny Ln., Moscow, 119017, Russia
Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences,
47 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russia

Received 21 July 2023
Accepted 27 September 2023
doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-1
© Druzhinin, A. G., 2023

The article explores the impact of geopolitical processes on the spatial organisation of society, a matter that has gained increasing importance in Russia. It focuses on the utilization of the World Ocean and its coastlines for resource extraction, logistics, military-strategic purposes, and settlement. Methodologically, this study combines modern socio-geographical approaches emphasising the role of the maritime factor in spatial development with classical geopolitical ideologemes drawing a line between the land and the sea. It stresses the fundamental possibility for territories, including states, not only to acquire synthetic continental-maritime attributes but also to transform the balance of these attributes under the influence of geopolitical determinants. The article analyses geopolitically induced changes in the maritime activities pursued by Russia in the post-Soviet period. The primary focus is on the situational territorial and economic shifts of 2014 and 2022, and their implications for Russian territories in the Baltic region. Pronounced inter-basin differences are described with respect to the coastalisation of the population. The study also evaluates the economic condition of key Russian maritime centres and their resilience to external influences, especially geopolitical challenges. The article offers a geopolitical justification for Russia's ongoing maritime endeavours, emphasizing the need for inter-basin, intermunicipal, and interregional integration. This integration should be accompanied by the establishment of coastal-intracontinental facilities, such as hubs, across Russia. It is imperative for the nation and its prominent corporations to actively engage in shaping the framework of emerging expansive international maritime socio-geographical structures, facilitating the shift toward global maritime polycentrism. The solution to these problems is closely linked to the priority goal of strength-

To cite this article: Druzhinin, A. G. 2023, The geopolitical effect of the maritime factor on the spatial development of post-soviet Russia: the Baltic case, *Baltic region*, vol. 15, № 4, p. 6–23. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-1

ening Russia's geostrategic standing in the Baltic region, particularly with a focus on its maritime components. These developments are anticipated within the context of the Russian Baltic Area, envisioned as a borderland with trans-basin geopolitical, economic-geographical, and geocultural bi-structural asymmetry.

Keywords:

spatial development, coastal areas, marine regionalisation, maritime activity, geopolitics, Russia, Russian Baltic Area

References

1. Trenin, D. V. 2022, What We Are, Where We Are, What We Stand For—And Why, *Russia in Global Affairs*, vol. 20, № 3, p. 32—42, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-3-32-42> (in Russ.).
2. Karaganov, S. A. 2022, From the Non-West to the World majority, *Russia in Global Affairs*, vol. 20, № 5, p. 6—18, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18> (in Russ.).
3. Yevstafiev, D. G. 2023, Step Beyond Global World, *Russia in Global Affairs*, vol. 21, № 2, p. 8—21, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-8-21> (in Russ.).
4. Druzhinin, A. G., Kuznetsova, O. V. 2022, The sea factor in the federal regulation of Russia's spatial development: post-Soviet experience and current priorities, *Baltic region*, vol. 14, № 4, p. 4—19, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-1>
5. Sal'nikov, S. S. 1984, Economic geography of the ocean — a new promising direction of economic and social geography, *Sovetskaya geografiya*, L. : Nauka, p. 231—242 (in Russ.).
6. Baklanov, P. Ya. 2018, Marine Spatial Planning: Theoretical Aspects, *Baltic region*, vol. 10, № 2, p. 76—85, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-5>
7. Fedorov, G. M., Kuznetsova, T. Y., Razumovskii, V. M. 2017, How the proximity of the sea affects development of economy and the settlement pattern in Kaliningrad oblast, *Regional Research of Russia*, vol. 7, № 4, p. 352—362, <https://doi.org/10.1134/S2079970517040025> (in Russ.).
8. Wirtz, J. J. 2017, *Sea power: the history and geopolitics of the world's oceans*.
9. Bennett, M. M., Stephenson, S. R., Yang, K., Bravo, M. T., Jonghe, B. 2020, The opening of the Transpolar Sea Route: Logistical, geopolitical, environmental, and socioeconomic impacts, *Marine Policy*, vol. 121, 104178, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2020.104178>
10. Bouchard, C., Crumplin, W. 2010, Neglected no longer: the Indian Ocean at the forefront of world geopolitics and global geostrategy, *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 6, № 1, p. 26—51, <https://doi.org/10.1080/19480881.2010.489668>
11. Morris, M. A. 1986, Maritime geopolitics in Latin America, *Political Geography Quarterly*, vol. 5, № 1, p. 43—55, [https://doi.org/10.1016/0260-9827\(86\)90010-8](https://doi.org/10.1016/0260-9827(86)90010-8)
12. Germond, B. 2015, The geopolitical dimension of maritime security, *Marine Policy*, vol. 54, p. 137—142, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2014.12.013>
13. Blanchard, J. M. F., Flint, C. 2017, The geopolitics of China's maritime silk road initiative, *Geopolitics*, vol. 22, № 2, p. 223—245, <https://doi.org/10.1080/14650045.2017.1291503>
14. Østhagen, A. 2022, *Ocean Geopolitics: Marine Resources, Maritime Boundary Disputes and the Law of the Sea*, Edward Elgar Publishing, 168 p.
15. de Vivero, J. L. S., Mateos, J. C. R., del Corral, D. F. 2009, Geopolitical factors of maritime policies and marine spatial planning: State, regions, and geographical planning scope, *Marine Policy*, vol. 33, № 4, p. 624—634, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2008.12.010>
16. Baklanov, P. Ya. 2022, Sustainable development of coastal regions: geographical and geopolitical factors and limitations, *Baltic region*, vol. 14, № 1, p. 4—16, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-1>
17. Mackinder, H. J. 1904, The geographical pivot of history, *The Geographical Journal*, vol. 23, № 4, p. 421—437.
18. Mahan, A. T. 1890, *The Influence of Sea Power Upon History, 1660—1783*. Little, Brown & Co. Boston, Repr. of 5th ed., Dover Publications, N. Y.

19. Semyonov-Tyan-Shanskij, V. P. 1915, On powerful territorial possession in relation to Russia. An Essay on Political Geography, *Izvestiya Russkogo Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva*, vol. LI, № VIII, p. 425—457 (in Russ.).
20. Spykman, N. 1944, *The Geography of the Peace*, N. Y. : Harcourt, Brace and Company, 323 p.
21. Lacoste, Y. 2012, La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique, *Hérodote*, № 146—147, p. 3—21, <https://doi.org/10.3917/her.146.0014>
22. Bezrukov, L. A. 2008, *Continental-oceanic dichotomy in international and regional development*, Novosibirsk : Akademicheskoe izd-vo «Geo», 369 p. (in Russ.).
23. Gorshkov, S. G. 1976, *The sea power of the state*, M. : Voenizdat, 416 p. (in Russ.).
24. Alhimenko, A. P. 2005, The marine economic complex of Russia: development trends and problems, *Morekhozaystvennyj kompleks Rossii*, SPb, p. 5—23 (in Russ.).
25. Radvanyi, J. 2017, When Vladimir Putin becomes geographer [Quand Vladimir Poutine se fait géographe...], *Hérodote*, № 166—167, p. 113—132, <https://doi.org/10.3917/her.166.0113>
26. Druzhinin, A. G., Lachininskii, S. S. 2021, Russia in the World Ocean: Interests and Lines of Presence, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 3, p. 336—348, <https://doi.org/10.1134/S2079970521030035>
27. Asmus, R. 2007, Euro-Atlantic Black Sea region, *Russia in Global Affairs*, vol. 5, № 3, p. 66—77. EDN: TZIZYD (in Russ.).
28. Klemeshev, A. P., Korneevets, V. S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G. M. 2017, Approaches to the definition of the Baltic Sea Region, *Baltic region*, vol. 9, № 4, p. 4—20, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>
29. Lavrov, A. M. (ed.). 1999, *Federal budget and regions: Experience in analyzing financial flows*, M. : Dialog-MGU, 194 p. (in Russ.).
30. Klimanov, V. V., Eremina, D. A., Mikhaylova, A. A. 2018, Analysis of the balance of financial flows between the center and regions in the Russian Federation, *ECO*, vol. 48, № 9, p. 51—62, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-9-51-62> (in Russ.).
31. Druzhinin, A. G. (ed.). 2017, *Cross-border cluster formation in the coastal zones of the European part of Russia: Factors, models, economic and economic effects*, Rostov-na-Donu : Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 421 p. (in Russ.).
32. Zakaria, F. 2008, *Post-American world*, London : Allen Lane.
33. Shuper, V. A. 2008, Russia in a globalised world: alternatives of progress, *Voprosy filosofii*, № 12, p. 3—21. EDN: JUGPUT (in Russ.).
34. Volkhin, D. A. 2020, Crimean marine economy in integration and disintegration processes in the Black Sea region, *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, vol. 6, № 4, p. 5—21. EDN: UXLLZT (in Russ.).
35. Nikolaev, A. V. 2004, Geography of the Russian state industry, *Izvestiya Akademii Nauk, Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 42—52 (in Russ.).
36. Pokshishevskij, V. V. 1975, Theoretical aspects of the attraction of settlement to the sea coasts and the experience of quantifying this attraction, *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, № 1, p. 29—35 (in Russ.).
37. Druzhinin, A. G. 2017, The coastalisation of population in today's Russia: a socio-geographical explication, *Baltic region*, vol. 9, № 2, p. 19—30. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-2-2>
38. Saushkin, Yu. G. 2001, *Selected works*, Smolensk : Universum, 416 p. (in Russ.).
39. Druzhinin, A. G. 2020, The strongholds of Russian coastal borderlands: economic dynamics amid geopolitical turbulence, *Baltic region*, vol. 12, № 3, p. 89—104, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>
40. Zhiharevich, B. S., Klimanov, V. V., Maracha, V. G. 2020, Shock resistance of territorial systems: concept, measurement, management, *Regional Research*, № 3, p. 4—15. EDN: PJCFKB (in Russ.).
41. Kuznetsova, O. V. 2022, Spatial structure of the economy transforming during and after crises, *Region: economics and sociology*, № 2 (114), p. 33—57, <https://doi.org/10.15372/REG20220202> (in Russ.).

42. Dergachyov, V.A. 1985, Prospects for the formation of port-industrial complexes of the USSR, *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, № 6, p. 497—503 (in Russ.).
43. Melnikas, B. 2008, Integration processes in the Baltic region: the new form of regional transformations in the European Union, *Engineering economics*, vol. 5, № 60, p. 54—64.
44. Pacuk, M., Palmowski, T., Tarkowski, M. 2018, The emergence of Baltic Europe: An overview of Polish research on regional integration, *Quaestiones Geographicae*, vol. 37, № 2, p. 47—60, <https://doi.org/10.2478/quageo-2018-0013>
45. Fedorov, G. 2010, The Kaliningrad dilemma: a “development corridor” or a “double periphery”? The geopolitical factor of the development of the Russian exclave on the Baltic Sea, *Baltic region*, № 2, p. 4—12, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-2-1>
46. Khudoley, K.K. 2016, The Baltic Sea region and increasing international tension, *Baltic region*, vol. 8, № 1, p. 4—16, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-1-1>
47. Zverev, Yu.M., Mezhevich, N.M. 2022, The Republic of Belarus and the Kaliningrad region of Russia as a sub-regional security complex, *Baltic region*, vol. 14, № 3, p. 64—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>
48. Ekengren, M. 2018, A return to geopolitics? The future of the security community in the Baltic Sea Region, *Global Affairs*, vol. 4, № 4—5, p. 503—519, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1535250>
49. Morachevskaya, K.A., Lialina, A.V. 2023, The impact of the food embargo on consumer preferences and cross-border practices in the Kaliningrad region, *Baltic region*, vol. 15, № 2, p. 62—81, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-4>
50. Lachininskii, S.S., Xiaoling, L. 2021, Geopolitical risks and prospects of relations between Russia and the West in the Baltic, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 17, № 4, p. 3—15, <https://doi.org/10.37490/S221979310017062-1> (in Russ.).
51. Swistek, G., Paul, M. 2023, *Geopolitics in the Baltic Sea region: The «Zeitenwende» in the context of critical maritime infrastructure, escalation threats and the German willingness to lead*, № 9, SWP Comment.
52. Baklanov, P.Y. 2015, Pacific Russia: Geographical and geopolitical factors of development, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk, Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 8—19, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2015-5-8-19> (in Russ.).
53. Druzhinin, A.G. 2020, Russian Black Sea region in modern Eurasia: geopolitical and maritime economic factors of regional dynamics, *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, № 3 (103), p. 5—15. EDN: FRHEUL (in Russ.).
54. Razumovskij, V.M., Fedorov, G.M., Bezdudnaya, A.G. 2019, The Russian Baltic in the Eurasian space, *Problemy sovremennoj ekonomiki*, № 3 (71), p. 38—40 (in Russ.).
55. Lachininskii, S.S. 2022, Geoeconomic risks faced by the Russian Baltic region amid a deteriorating geopolitical situation, *Baltic region*, vol. 14, № 2, p. 23—37, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-2>
56. Fedorov, G.M. 2022, The economy of Russian Baltic regions: development level and dynamics, structure and international trade partners, *Baltic region*, vol. 14, № 4, p. 20—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>

The author

Prof Alexander G. Druzhinin, Director, North Caucasus Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Chief Research Fellow, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Russia; Senior Research Fellow, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

